

Мэн Чэнъин потер виски, собираясь перевернуться и встать с кровати, но вдруг почувствовал натяжение на лодыжке, нарушившее равновесие. Рефлекторно опустив взгляд, он обнаружил на ноге браслет, другой конец которого был прикован к изножью.

Он осмотрел блеск цепи, потрогал её, оценивая прочность, и предположил, что она, вероятно, из платины. Попытавшись освободиться, убедился, что цепь крепка и продумана, снять её не удастся. Кроме того, он заметил нечто ожидаемое: внутренняя сторона браслета была проложена несколькими слоями ткани, верхний из тончайшего шелка. Это предотвращало натирание кожи при движении.

Стоит ли похвалить дизайн за заботливость? — мысленно съязвил он, после чего начал осматривать себя.

Однако осмотр принёс неожиданное открытие.

На теле не было ни следов пальцев, ни поцелуев, губы не опухли, поясница не болела, внизу не ощущалось дискомфорта. Более того, одежда совершенно не соответствовала образу «пленённой канарейки» — никаких полупрозрачных тканей или соблазнительного белья. На Мэн Чэнъине была самая обычная, консервативная домашняя одежда, лишь качество ткани и крой выдавали её уровень. Пуговицы были застёгнуты до самого верха, а под ней он обнаружил тёплые нижние брюки и кофту.

Мэн Чэнъин с усталостью закатил глаза. Он уже догадался, кто это.

И действительно, в следующую секунду предполагаемый «подозреваемый» вошёл в комнату с подносом, на котором стояли доуфунао, ютяо, баоцзы и чайные яйца — ароматный завтрак, один из любимых у Мэн Чэнъина.

Вчера он выпил слишком много, проснулся поздно, и теперь желудок был пуст. Запах еды лишь усилил голод, и, не задавая вопросов, он взял баоцзы и откусил большой кусок, уменьшив его меньше чем наполовину.

А баоцзы был размером с кулак взрослого мужчины.

Мэн Чэнъин едва не подавился и потянулся за доуфунао, чтобы запить. Но человек с подносом замедлил движение, словно собираясь взять ложку и накормить его, однако, встретив взгляд Мэн Чэнъина, опустил руку.

Хотя Мэн Чэнъин ел быстро, манера оставалась изящной. Лишь по скорости исчезновения еды с тарелки можно было понять, сколько он съел за короткое время.

Пока он ел, Мэн Цяньхэ сидел рядом, молча наблюдая.

Когда Мэн Чэнъин закончил, он протянул руку, и салфетка тут же оказалась у него в пальцах. Он вытер рот, смял бумагу и бросил в дальний угол комнаты, слегка улынувшись своему «голу». Затем наконец повернулся к Мэн Цяньхэ.

Но он не сказал ни слова.

Двое молча смотрели друг на друга, один стоя, другой сидя, но их аурой они были на равных. В глазах Мэн Цяньхэ бушевали сложные эмоции, превращая янтарный цвет в глубокий медовый оттенок. Мэн Чэнъин же смотрел прямо и спокойно, не отводя взгляда.

В конце концов Мэн Цяньхэ сдался, опустил глаза и тихо вздохнул, словно обдумывая что-то, прежде чем произнести свои первые слова за сегодня.

— Уже осень, а ты всё равно выходишь без тёплых брюк, — спокойно сказал он, будто это была обычная бытовая фраза, уместная в этой странной и напряжённой атмосфере.

Мэн Чэнъин, словно не замечая никакой неловкости, рассмеялся:

— Ладно, ладно, я понял. Не будь таким, как дядя. Обещаю, в следующий раз надену.

— ...Хорошо, — после паузы Мэн Цяньхэ согласился, достал ключ и открыл замок на ноге Мэн Чэнъина. Затем, взяв поднос, быстро вышел из комнаты, закрыв за собой дверь, не оглянувшись.

Когда дверь закрылась, Мэн Цяньхэ поставил поднос на стол и, словно лишившись сил, прислонился к двери, медленно опускаясь на пол. Его пальцы вцепились в ковёр.

Хотя Мэн Чэнъин всегда был открытым и дружелюбным, с лёгким характером и часто улыбался, что могло создавать впечатление мягкости, в глубине души он был сильным. Он не поддавался давлению, но был добр к тем, кто казался слабее или искреннее, даже испытывая к ним лёгкую жалость. Так было с У Яо, которого отвергали, с Пэй Жуи, которого не понимали из-за его немногословности, и с Оу И, чьё мышление было необычным.

Но Мэн Цяньхэ знал, что он не может быть таким. Его врождённая гордость и привычки, выработанные с детства, не позволяли ему играть роль слабого. Даже если бы он попытался, это выглядело бы неестественно. И даже если бы Мэн Чэнъин поверил, Мэн Цяньхэ не мог бы всю жизнь притворяться невинным. Обман рано или поздно раскрылся бы, и он не позволил бы себе добиваться чувств таким унижительным способом.

Даже если он этого очень хотел.

Поэтому он просто наблюдал, как Мэн Чэнъин и У Яо дурачатся, напиваются вместе, а когда бармен попытался найти их друзей, подошёл, сначала позвонил семье У Яо, а затем, после долгих раздумий, забрал Мэн Чэнъина к себе домой.

Пока Мэн Чэнъин спал, Мэн Цяньхэ испытывал надежду. Но когда он встретился с его прямым и откровенным взглядом, ему не понадобились слова, чтобы понять: Мэн Чэнъин уже всё знал.

А те моменты, которые он считал случайными, но которые всё равно заставляли его грустить, — слова о любви, тонкие отказы, отступления, намеренная близость с другими на его глазах...

Всё это Мэн Чэнъин делал намеренно.

Он всегда отвергал его.

Мэн Чэнъин никогда не был добычей. Он был волком и охотником, прекрасно понимающим обстановку. Их отношения развивались в сложных играх, взаимных попытках понять друг друга, и Мэн Цяньхэ всё глубже погружался в них, в то время как Мэн Чэнъин оставался холодным наблюдателем, думая только о том, как выбраться.

Когда он без раздумий съел еду, предложенную Мэн Цяньхэ, но не сказал ни слова, Мэн Чэнъин уже передал выбор в его руки. То, как сложатся их отношения дальше, зависело от его действий.

Мэн Цяньхэ был умён и понял намёк. Вместо того чтобы разорвать отношения, он предпочёл оставить всё как есть, не выясняя, и бросил нейтральную фразу, чтобы снять напряжение. Мэн Чэньин тут же подхватил её, будто действительно думал, что это просто шутка.

Мэн Цяньхэ, всегда склонный к глубоким размышлениям, не мог не задаться вопросом. Почему то, что вызвало бы гнев у других, не вызвало реакции у Чэньина? Даже намёка на злость не было. Неужели он просто не придавал этому значения?

Отныне они, возможно, смогут поддерживать видимость дружеских отношений, но Чэньин обязательно отдалится.

Обычно решительный и уверенный, Мэн Цяньхэ в этот момент почувствовал лёгкое сожаление.

Накануне он привёл Мэн Чэньина к себе домой, вытер его, переодел и уложил в постель. Затем долго сидел рядом, глядя на спящего. Неосознанно он стал приближаться, и, когда опомнился, расстояние между ними сократилось до дюйма, их дыхание смешалось.

Мэн Цяньхэ никогда не был так близко к Мэн Чэньину, и это было то, о чём он всегда мечтал.

Но перед ним лежал Мэн Чэньин с закрытыми глазами, его грудь спокойно поднималась и опускалась, сон был мирным.

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16316/1472329>